Дракон выбирает невесту

Автор:
Лариса Петровичева

Дракон выбирает невесту

Лариса Петровичева

Эдвард Финниган – наследник крупнейшей драконьей династии, который должен жениться по приказу отца. И я, Инга Шуман, устраиваю для него телешоу с отбором невест. Но что делать, если жених не хочет заключать брак, невеста не хочет замуж, а на отборе начинаются интриги и убийства? Неужели надежда для всех только в любви?

Лариса Петровичева

Дракон выбирает невесту

Все персонажи и события являются вымышленными, возможные совпадения случайны.

Глава 1

– Бредовый проект, конечно. Не уверен, что окупится. – Эдвард Финниган посмотрел на младшего брата так, как смотрел всегда: как на несмышленыша, который не понимает ни особенностей высшего света, ни того, как в этом свете делаются дела.

Я сидела в кресле, машинально заштриховывала клетки в блокноте и пока не вступала в разговор. Сейчас моей главной задачей было молчать и слушать. В «Финниган тауэр» меня пригласили в качестве специалиста по деликатным вопросам. В определенных кругах меня по-простому называют профессиональным решалой, но я никогда не думала, что придется разбираться с драконьими свадьбами.

Официальный костюм, который я надела по случаю визита, уже начинал раздражать. Не люблю белые блузки, пиджаки и зауженные брючки, еще больше не люблю пышные женские галстуки, которые ввела в моду жена премьер-министра, но приходится быть одетой именно так, чтобы тебя воспринимали всерьез. И, конечно, купить все это в хорошем магазине, а не просто заказать в сетевом магазинчике. Такие вещи поднимают на определенный уровень, который очень хорошо чувствуют драконы.

В словах Эдварда было столько яда, что Макс невольно опустил глаза, и я увидела, как над его головой витают алые искры. Так всегда. Если дракон испытывает сильные эмоции, то рядом с ним становится жарко.

Братья Финниган – высокие, темноволосые и кудрявые – были настолько непохожи по характеру, что я иногда сомневалась, братья ли они на самом деле. Макс посвящал свободное время книгам и работе в колледже. Мне он нравился. Не как мужчина, а как человек, с которым можно общаться, не отвлекаясь на неровно стучащее сердце. Потому что это самое сердце всегда начинало стучать с перебоями, когда на меня смотрел Эдвард Финниган. Ухоженный, стильный, всегда одетый с иголочки – от него веяло завораживающей силой.

Он из тех мужчин, находясь рядом с которыми, невольно начинаешь представлять, как было бы хорошо остаться с ним наедине хотя бы на пару часов. А еще я видела, как он обращается в дракона. Огромный золотистый ящер сорвался с последнего этажа «Финниган тауэр», и мое сердце сорвалось за ним следом. Это было прекрасно – настолько невероятное создание не могло не быть прекрасным. Но мне следовало оставаться серьезной и спокойной, как и полагается специалисту по сложным вопросам.

Воротник белоснежной сорочки Эдварда был расстегнут, и я увидела, как по смуглой шее стекает капля пота. Ему все это ужасно не нравилось. Он предпочел бы отправиться в клуб и провести время с очередной красоткой из числа тех, которые стоят в очереди, ожидая благосклонного взгляда. Даже одна

ночь с наследником влиятельной династии драконов может вознести на вершину мира…

Но вместо этого Эдвард был вынужден мерить шагами просторный кабинет, обставленный в стиле прежней династии, с морскими пейзажами на стенах и антикварной мебелью, и понимать, что неприятное решение необходимо принять именно сегодня, пока старый Финниган не разозлился и не сжег эту башню вместе со всеми, кто в ней находится.

Старик терпеть не мог, когда ему перечат, даже если это – его сын. И иногда принимал очень импульсивные решения.

– Фро Макс прав, – сказала я. Пауза затянулась. – Но его план мы немного скорректируем. Кто основной инвестор в «Финниган проджект»?

Эдвард впервые за все время, что я провела в этом кабинете, посмотрел мне в лицо. Я замерла, понимая: он только что оценил меня – и оценил по достоинству, как профессионала.

– Дварк Дварксон, – проговорил он и уточнил: – Человек.

– У Дварксона, насколько мне известно, есть дочь, – продолжила я. Эдвард хотел было меня перебить, но я не позволила. – Конечно, человеческим девушкам нельзя принимать участие в отборе. Но я уверена: ваш отец не будет возражать, если она придет. И победит.

Все проблемы Эдварда сейчас упирались в древнюю драконью традицию. Наследник рода должен выбрать себе невесту из числа самых достойных девушек страны – разумеется, драконьего происхождения. Отец Эдварда и Макса в свое время оказался бунтарем – женился без отбора на демонице. Это от нее у братьев черные кудри…

Так вот, отбор невест. Эдвард не хотел жениться. Вообще. Ни на драконице, ни на человеческой девушке. Его вполне устраивала такая жизнь, когда днем он успешно вел дела в «Финниган тауэр», умножая капиталы семейства, а ночи проводил с очередной счастливицей, ни разу не повторяясь.

– Вы ведь понимаете, что так не будет продолжаться вечно, – чуть ли не с сочувствием сказала я. – Отец может лишить вас наследства, и тогда все, чего вы добились таким неимоверным трудом, просто уплывет из ваших рук. Совершенно законным образом, и вы ничего не сможете с этим поделать.

Эдвард скривился. Всеми деньгами семьи занимается ее глава: сколько бы ни заработал Эдвард, это не были его личные средства. И со старого Финнигана сталось бы действительно лишить строптивца наследства.

– Ваш отец хорошо относится к Дварксону, – продолжила я. – Он не будет против, если юная Эмилия примет участие в отборе. Она вам понравится, Эдвард. Милая девушка, немного неуклюжая, но трогательная. Этот брак решит многие проблемы, например, недавние колебания на бирже или те мелкие трудности на ваших предприятиях по золотодобыче. Не мне вам рассказывать, к кому именно тянутся ниточки тех забастовок. Профсоюзами в нашей стране заведует Дварксон. Но я уверена, что он примет меры, если Эмилия пройдет отбор.

Называя Милли Дварксон неуклюжей, я несколько погрешила против истины. Если какую-то вещь можно разбить или сломать, то Милли непременно это сделает. И упадет на ровном месте заодно.

– Мне она не нравится, – устало признался Эдвард. – Видел ее на каком-то приеме… я не сплю с телками, фрин Инга, даже если они племенные. И к дьяволу все профсоюзы, я найду способ их обуздать. Вместе с папашей Дварксоном.

– Вас никто не заставляет с ней спать.

Дьявол побери, мне стоило значительных усилий сохранять спокойствие. И вовсе не из-за драконьего упрямства, которое может соперничать только с ослиным, а из-за того, что я не могла не представлять, как руки Эдварда, сильные, с тонкими музыкальными пальцами, снимут с меня белую блузку, уже начинающую промокать от пота, и мягкими осторожными движениями пройдутся по коже. Прикосновение дракона наверняка обжигает… Но я согласна потерпеть.

– Ладно, пусть. – Эдвард провел ладонями по лицу, и Макс, кажется, вздохнул с облегчением. Впрочем, на добродушном бледнокожем лице младшего ничего нельзя было прочитать: свои эмоции он скрывал очень тщательно. – Но превращать отбор в посмешище? В шоу для этого быдла внизу?

Я не подала виду, что его слова меня задели. Для тех, кто живет в роскошных апартаментах на вершинах небоскребов, ест с золотых тарелок и спит с женщинами на венецейском шелке простыней, все мы – просто быдло внизу. В том числе и я. С этим не следует спорить, это просто принимается как факт.

– Это быдло внизу принесет вам миллиарды, если вы согласитесь на проект вашего брата, – сказала я. – Производители затопчут друг друга, когда побегут давать рекламу во время шоу, поверьте специалисту. Акции, без сомнения, вырастут, и ваши, и вашего будущего тестя. Пусть он человек, а не дракон – деньги этого не различают.

По холеному лицу Эдварда скользнула тень. Хорошо, что он никогда не узнает, сколько мне заплатил папаша Дварксон за то, чтоб я протащила на отбор его любимую дочку.

– Ладно, – устало кивнул он и вынул из портсигара длинную сигарету. На кончике его указательного пальца вспыхнул огонек, и вскоре по кабинету поплыл ароматный вишневый дым. – Как именно это будет выглядеть?

На какой-то миг я ощутила торжество, которое затем сменилось усталым глухим равнодушием, чуть ли не раздражением. У меня так всегда бывает, когда побеждаю. А Эдвард уже дожат. Он смирился с необходимостью жениться и не будет бунтовать. Пусть в нем течет кровь дракона и демоницы – Эдвард любит деньги и власть гораздо больше своей свободы.

– Это будет лучшее шоу в истории, – улыбнулся Макс. – Самое лучшее. Не сомневайся.

И снова открыл свою папку с бумагами.

Макс хотел назвать шоу попроще, например, «Завидный жених», и с учетом того, что будет всего один сезон, развернуться по полной. К просмотру допускались только совершеннолетние, но для подростков запустят тайный флешмоб в Сети, который позволит им получить желанные ключи к контенту. Конечно, реклама во время флешмоба пойдет по тройным расценкам.

По традиции к отбору допускались только девушки из драконьих семей, обязательно девственницы. Макс же предлагал идти в ногу со временем и, помимо Милли, взять на шоу еще нескольких человеческих девушек.

– Их проще пустить в расход, – сказал он, и над его головой снова замелькали искры, а я подумала, что совершила ошибку, посчитав младшего тюфяком.

Да, отбор невест для дракона – смертельно опасное дело. Представив, какая толпа соберется на кастинг, я почувствовала, как по спине мазнуло холодком.

– Да, пожалуй, ты прав. – Эдвард теперь говорил спокойно, даже лениво.

Ну и правильно, плетью обуха не перешибешь, особенно если обух – старый дракон, который ни с кем церемониться не будет. Перед тем как отправиться в «Финниган тауэр», я три часа провела в Сети, изучая историю драконьего семейства, и старый Финниган невольно начинал вызывать уважение. Выбрал женщину сам, без всяких традиционных отборов, поставил семью перед фактом женитьбы, а когда ему предсказуемо пригрозили лишением наследства, только махнул рукой. Следующие пять лет после свадьбы они с женой прожили внизу, вполне обеспеченно, по меркам человеческих соседей, но для драконов это было равносильно тому, чтоб побираться на паперти. В итоге его мать и отец не выдержали. Эдвард и Макс родились уже после возвращения своих родителей в семью.

– Уверены, что трупы необходимы? – поинтересовалась я, прекрасно понимая, каким будет ответ.

Драконы и дельцы одинаково жестоки, а уж если дракон еще и делец…
В прошлом им приносили человеческие жертвы, и предки Эдварда и Макса рвали острыми белыми зубами плоть невинных дев. Это считалось нормальным и правильным, зато в стране царили мир и порядок, а соседние государства даже не задумывались о войнах.

Эдвард посмотрел на меня как на дурочку. Макс мягко ответил:

– Смерть во время телешоу повышает рейтинги, фрин Инга. Раз уж мы говорим о рейтингах и делах, то должны подумать и об этом. Разумеется, родственники несчастных получат компенсацию…

Он говорил что-то еще, а Эдвард пристально смотрел на меня, словно пытался прочесть мои мысли.

– Вы меня проверяете, фрин Инга? – наконец спросил он подчеркнуто вежливо. – Вам любопытно, какими могут быть драконы, когда их доводят до точки кипения?

Право же, мне меньше всего хотелось это узнать. Я не имею привычки злить тех, кто способен меня испепелить.

– Ни в коем случае, фро Эдвард, – проронила я. – Мне нужно, чтоб дело было сделано и мои деньги появились у меня на счету.

Разумеется, такой ответ Эдварда не удовлетворил. Я чувствовала, что не нравлюсь ему хотя бы по той причине, что заставила его принять неприятное решение. А еще потому, что до конца отбора так или иначе буду находиться рядом. Кто-то ведь должен проследить за тем, чтоб все прошло нормально.

– Вы необычная, фрин Инга, – произнес Эдвард, задумчиво скользя по мне тяжелым взглядом.

Когда он так смотрит на своих девиц в клубах, они сами не понимают, что начинают раздеваться. И я сейчас ничем от них не отличалась. Мне хотелось, чтоб молчаливый скромняга Макс куда-нибудь ушел, оставив нас с Эдвардом наедине обсудить будущее шоу. И мы действительно обсудили бы его – потом, в постели, на веницейском шелке. Надо же о чем-то говорить после секса.

– На самом деле все очень просто, – ответила я, усилием воли отгоняя сладкие видения. – У вас есть проблема. У вашего брата есть решение. А я просто слежу за тем, чтоб все катилось не к бесовой матери, а по нужным рельсам.

В темных глазах Эдварда вспыхнули огоньки.

– Великолепно, – произнес он. – Просто великолепно. После того как отбор закончится, я найму вас на постоянную работу, раз уж вы так хорошо разбираетесь в проблемах.

Я усмехнулась. Наймет он. Надо же. Оказал милость и сделал честь. В глубине души зарождалось сопротивление, и мне очень захотелось оказаться как можно дальше отсюда. В каком-нибудь кабаке для быдла внизу, где никто не спросит, что у меня на уме.

Пожалуй, мне следует упасть ему в ноги и благодарить. Папаша Дварксон ожидал от меня примерно того же и очень расстроился, когда я просто ушла.

– Благодарю вас, Эдвард… Я ведь могу вас так называть?

Макс, который копался в своих бумагах, испуганно поднял голову и посмотрел сперва на меня, потом на брата. Эдвард сложил руки на груди и разглядывал меня с вызовом, но мне почему-то показалось, что его гложет тревога и он с трудом справляется с ней.

«А ведь может и испепелить, – вдруг подумала я. – Просто потому, что я вмешалась в дела его семьи и вынудила согласиться с отцом и братом. Да еще и навязала дочку главного партнера, причем легко и изящно».

– Конечно, можете, Инга. – Эдвард улыбнулся краешком рта, но глаза остались строгими.

Я улыбнулась в ответ и сказала:

– Ваше предложение, безусловно, лестное, но работа у меня уже есть. И я ею вполне довольна.

Эдвард пожал плечами. На лице Макса появилось облегчение, будто он тоже ждал, что брат превратит меня в пылающий факел.

– Что ж, тогда вернемся к шоу, – произнес он. – Когда начнем подготовку?

В «Финниган тауэр» мы засиделись допоздна, моя белая блузка промокла от пота, а искры над головами двух драконов опасно сверкали, грозя что-нибудь подпалить. Я не сомневалась, что все в кабинете пропитано специальным составом, который не позволит всем нам вспыхнуть, но все же предпочла бы, чтоб драконы держались от меня хоть чуточку подальше.

Мы обсудили вопрос моего гонорара за подготовку шоу, и, когда Эдвард назвал сумму, я поняла, что следующий год могу провести где-нибудь на побережье, в хорошем отеле, где буду есть на золоте и спать на веницейском шелке. И ни о чем не думать: ни о драконах, ни о том, что заставляет меня заниматься настолько рискованной работой.

Как и всякий решала, я начала с низов. С улиц. И я выжила и добралась до вершин своей профессии не только потому, что страшно упряма. Не только.

– Еще пятьсот тысяч, – добавила я, не моргнув глазом, – и тогда я беру на себя все общение с прессой в критических ситуациях, когда не справится отдел по связям с общественностью.

Все правильно: если что-то требуешь, то надо что-то предлагать. А критические ситуации наверняка будут, если уж тюфяк и добряк Макс заговорил о кровопролитии. Кто кроме меня сможет представить это в нужном свете?

Я не занималась бы тем, чем занимаюсь, если бы не была готова ко всему. И Эдвард Финниган не был бы собой, если б не предполагал подобный поворот беседы. Вынув из внутреннего кармана стильного белого пиджака чековую книжку, он равнодушно вписал сумму в нужную строчку и оторвал страницу.

– Ваш аванс, фрин Инга.

Аванс был ровно на полмиллиона больше, чем я предполагала.

Затем мы распрощались до завтра. Бесшумный лифт с зеркалами и настоящим восточным ковром на полу унес Эдварда в личные апартаменты в одной из башен «Финниган Тауэр», и я невольно вздохнула с облегчением. С милым Максом все было намного проще.

– Я вас провожу, – сказал он с какой-то полувопросительной интонацией, складывая свои бумаги в папку.

На кожаной крышке красовался золотой герб Финниганов – разумеется, дракон, пожиравший собственный хвост. Девиз, написанный на древнеаалийском, я знала наизусть: «Честь и ярость».

– Спасибо, – улыбнулась я. – Надеюсь, на стоянке еще есть такси.

Раньше у меня был собственный автомобиль, причем очень неплохой, но после аварии, когда меня выбросило из салона через стекло и протащило по шоссе, я поклялась, что никогда больше не сяду за руль. Хватит с меня.

Макс очень выразительно посмотрел мне в лицо. Должно быть, ему не один раз говорили именно это: «Посади меня в такси и больше не появляйся в моей жизни». Возможно, другими словами, но именно с таким подтекстом. Казалось бы, он тоже дракон и такой же сын старика Финнигана, как и Эдвард, но его никто не воспринимает всерьез. Никому и в голову не придет устраивать для него отбор невест. И ни одна красотка не станет бегать за ним, готовая на все, что он пожелает.

А все потому, что младший сын в драконьей семье не имеет никакого веса, пока жив старший. Если Эдвард, не дай бог, надорвется на какой-нибудь куртизанке, то тогда Макс возглавит семью после смерти старого Финнигана. Но все прекрасно понимали, что этого не произойдет. И поэтому Макс спокойно занимал свое место в тени старшего брата и не пытался претендовать на что-то большее. Вел те дела семьи, которые не требовали ни особенных знаний, ни звездного статуса, преподавал экономику и раз в пару месяцев посещал Красный квартал, где в заведении мадам Жетты его встречали как лучшего друга.

Он мне нравился, этот Макс. В нем было что-то очень спокойное.

– Уже поздно, – ответил он, и над его головой вспыхнуло несколько искорок – будто бабочки раскрыли крылья. – Нормальное такси не вызвать, так что не отпирайтесь, фрин Инга. А если боитесь, что я узнаю, где вы живете, – что ж, я и так знаю.

Разумеется, он был в курсе, что я обитаю в Нижнем городе. Странно было бы, если б умница Макс не навел обо мне справки.

– Что ж, – сдалась я, – похоже, вы правы. Тогда поедем.

Макс ободряюще улыбнулся. Интересный, обаятельный, умный, но держится в тени и не хочет выходить на свет. Великое это дело – мужчина, знающий свое место.

– Только позвоню отцу, – сказал он и, взяв со стола смартфон с надкусанной грушей на панели, отошел к окну. Я опустила глаза к ковру: конечно, я не подслушиваю. Просто рассматриваю гипнотизирующие прихотливые завитки узоров на ворсе.

– Да, это я. Да, все готово. – Макс покосился в мою сторону и снова улыбнулся.

Хороший такой мужчина, с которым можно прожить спокойную жизнь в любви и верности – ровную жизнь, похожую на речную гладь. Ни потрясений, ни эмоций. Почти всем нужно только это. О любовных бурях и штормах лучше читать в книгах, в жизни они только раздражают.

Я улыбнулась в ответ. Совершенно искренне.

Искры над головой Макса мелькали маленьким облачком.

– Фрин Инга его убедила, – продолжил Макс, – завтра начнем подбор кандидатур. Он одобрил наш проект, можем запускать шоу.

Вот даже как. Хотя удивляться нечему. Вряд ли Максу позволили бы придумать это шоу самому. Как там сказал Эдвард? Делать семью посмешищем для быдла внизу?

Папаша Финниган понимает больше, чем сыночек. Мир постепенно меняется. Если раньше драконы правили им, то постепенно люди отвоевывают себе все больше и больше. И это следует учитывать, если драконьи семьи не хотят в один прекрасный день лишиться всех своих счетов и башен.

– Да, разумеется. – Макс вновь посмотрел на меня, на этот раз – без улыбки. – Конечно.

И, проведя кончиком пальца по экрану, убрал смартфон в карман. Разговор завершился. Интересно, что сказал сыну папаша Финниган? Велел меня сбросить с башни или испепелить?

– Вы странно на меня смотрите, фрин Инга. – В голосе и взгляде Макса было прежнее тихое добродушие.

Впрочем, я бы вряд ли до сих пор была жива, если бы имела опасную привычку считать окружающих дурачками.

– Да вот гадаю, сможете ли вы что-то поджечь этими искрами, – очаровательно улыбнулась я.

Макс провел рукой над головой, и огненное облако рассеялось.

– А что, хотите взглянуть? – поинтересовался он.

Я хотела. Очень хотела.

Макс потянул за ручку, скрытую за тяжелыми складками кроваво-красных штор, и панорамное стекло бесшумно скользнуло в сторону. В кабинет ворвался свежий воздух, развеивая табачный запах. Город еще не спал. Он шумел колесами мобилей, бурлил звуками счастья и горя, и отсюда, сверху, его голос, состоящий из тысяч голосов, был песней.

Я ощутила прохладное прикосновение страха. Легкое, почти незаметное. В конце концов, я была далеко от окна, и моя боязнь высоты пока только просыпалась, еще не мучая и не вызывая тошноту. Макс подошел ко мне и протянул руку все с той же добродушной улыбкой.

– Не стоит так дрожать, – сказал он. – Я вас ничем не обижу.

– Я и не дрожу, – предсказуемо ответила я.

А ведь он был прав: по спине пробежал знакомый холодок, и пол медленно-медленно начал уходить из-под ног. Дракон не был бы драконом, если бы не умел влиять на людей. Рука Макса оказалась теплой и неожиданно сильной. Никакого намека на ожидаемое вялое рукопожатие, каким обычно оделяют похожие на него люди. Движение, которым он прижал меня к себе, было молниеносным и настолько сильным, что сопротивляться бесполезно, все равно не вырвешься.

Жаль, что это не Эдвард. Не мужчина в белой сорочке, ткань которой соблазнительно очерчивает его сильное гибкое тело.

– Не бойтесь, – ободряюще повторил Макс. – Я вас не уроню.

Не уронит? Что он собирается делать, дьявол его побери?

Облачко искр над головой Макса дрогнуло, увеличиваясь в размерах, медленно-медленно окутало нас обоих почти непроницаемой искрящейся завесой. Но пламя не обжигало – я чувствовала только приятную прохладу, когда очередная искра прикасалась к коже.

– Инга? – окликнул Макс, и в его голосе звучали лукавые нотки, словно он приготовил сюрприз и очень хотел узнать, понравится ли мне неожиданный подарок.

– Что? – спросила я и не расслышала своего голоса.

Огненное облако становилось все плотнее, и в его туманном мареве проступили очертания громадных перепончатых крыльев. Крылья дрогнули, уплотняясь, разворачиваясь, словно лепестки весеннего цветка. Чужие руки, обнимавшие меня, наполнялись тяжелой силой.

«Вам понравится», – прозвучал голос Макса уже в моей голове.

В следующий миг мы оба рухнули куда-то вниз.

Огромный ящер – золотистый, с красноватыми искрами на сверкающих пластинах чешуи – вылетел в окно «Финниган тауэр», и на мгновение я

перестала дышать, превратившись в крик. Нужно было делать хоть что-то, и я верещала от ужаса так, что сорвала голос. Город ударил в лицо россыпью огней и вдруг наклонился и ушел куда-то в сторону и вниз. Небоскреб, из окна которого мы вылетели, превратился в крошечную башенку с огоньком на крыше, здания внизу выглядели совсем игрушечными.

Страх растаял, словно его никогда и не было, настолько удивительной оказалась эта ночь. Крылья дракона хлопали медленно и тяжело, словно он давным-давно не летал и разучился ими пользоваться. Ветер гудел в ушах. Сейчас город превратился в пригоршню огней, небрежно рассыпанных на темном ночном шелке. Изогнутые желтоватые когти драконьих лап держали меня очень осторожно, но я понимала, что если Макс захочет, то ему понадобится всего пара легких движений, чтоб разорвать меня пополам. Но громадный ящер нес меня… Я вдруг поняла, что «трепетно» было самым подходящим словом. Он не обманывал – бояться действительно было нечего.

«Ну как? – вновь прозвучал в моей голове голос Макса. – Нравится?»

Я растерянно молчала, понятия не имея, что можно на это ответить. Слово «нравится» было слишком маленьким, слишком ничтожным для описания того восторга, который сейчас сжимал горло, с трудом позволяя дышать. Ветер хлестал по лицу, высушивая набегающие слезы, стоило им только появиться, а в какое-то мгновение по щекам ударили дождевые капли, остудив пылающую кожу: мы пролетели сквозь облако.

«Как это может не нравиться?» – ответила я вопросом на вопрос, и дракон вскинул голову и с ревом выбросил в сторону луны струю гудящего огня. У меня хватило сил, чтоб зажмуриться, но пламя было настолько ярким, что ночь превратилась в полдень, и сквозь закрытые веки я увидела, как дракон величаво развернулся и неторопливо направился вниз, к городу.

Я не помню, как закончился полет. Вроде бы только что подо мной извивалось черное, тускло блестящее тело реки с золотыми оковами мостов, и город казался игрушечным, застывшим в ожидании маленького хозяина, который куда-то ушел, – и вот мы с Максом уже стоим на пустом перекрестке неподалеку от моего дома, светофор меланхолично перебирает красный и зеленый, в круглосуточной забегаловке гудит кофемашина, пахнет свежесваренным эспрессо, и из музыкального автомата несется ленивый голос с картавой хрипотцой: «Каждый хоть раз в жизни, но полюбит. Каждый хоть раз в жизни, но

найдет…»

Я машинально вцепилась в руку Макса – ноги снова подкосились. Лицо горело так, словно мне от души надавали пощечин. В ушах до сих пор стоял гул ветра, и я смотрела на знакомую улицу, но видела лишь огненные искры во тьме.

– Все хорошо? – почти испуганно спросил Макс.

Надо было как можно быстрее взять себя в руки. Младший брат оказался не таким простаком, как поначалу думалось. Он с легкостью выбил меня из состояния привычного спокойного равновесия и увидел растерянной и удивленной – такой, какой я почти никогда не бываю.

Горло стиснуло невидимой лапой, но я все-таки смогла заговорить, и мой голос не звучал как ломкий голосочек испуганной институтки:

– И как часто вы так впечатляете девушек, фро Макс? Теперь мне следует пригласить вас к себе и отблагодарить за подаренное чудо?

Лицо Макса дрогнуло, словно я ударила его. Я редко стыжусь чего-либо, но сейчас мне стало по-настоящему стыдно. Он действительно от чистого сердца подарил мне чудо – просто взял и подарил, а я…

– Простите, – тотчас же попросила я. – Мне не следовало говорить с вами так, как с вашим братом. И мне действительно очень понравилось. – Я посмотрела Максу в лицо, надеясь, что мой взгляд не покажется ему заискивающим. – Это действительно было чудо. Не могу даже выразить словами, насколько я за него благодарна.

Сделав крошечную паузу, я добавила:

– Вы хороший мужчина, Макс. Я меньше всего хочу вас расстроить.

– Я и не расстроен, – улыбнулся Макс. – То, что вы сказали, было очень предсказуемо, Инга. Но вы правы – не все такие, как мой брат.

Он дотронулся до моего плеча и тотчас же убрал руку. Волна горячего воздуха прокатилась по улице, полыхнуло красным и золотым, и я услышала далекое-далекое:

«Прощайте, фрин Инга».

Хозяин забегаловки выглянул из заведения, вытирая руки серым полотенцем.

– Дракон! – восторженно проговорил он. – Офигеть!

– Я не буду участвовать! Пока хоть одна человеческая курица в списке – не буду!

Фрин Амели Бланк пришла в телестудию «Тренд ТВ» через четверть часа после открытия, оккупировала кабинет, который щедро выделили для руководителей проекта, и емко изложила свою точку зрения на отбор невест для старшего сына Финнигана. Амели была почти двухметровой блондинкой, младшей дочкой драконьей семьи Бланков и считала, что победа в отборе уже лежит в ее сумочке, которая так сверкала стразами, что резало глаза. Да и вся Амели была такой же, задевающей нервы. В ней все было слишком. Слишком тяжелый аромат модных восточных духов, слишком длинные ногти на руках – разумеется, их нарастили в лучшем салоне, слишком короткое платье, дающее возможность всем желающим увидеть, что и розовые стринги у Амели тоже брендовые, украшенные мелкими сапфирами. А хуже всего был голос – то, что вылетало из пухлых алых губ девушки, было похоже на мерзкие вопли базарной торговки, которая продает пирожки где-нибудь на Нижнем рынке.

По большому счету, она ничем не отличалась от человеческих девушек из обеспеченных семей. Смартфоны с надкусанными грушами, шопинг за границей, гонки на спорткарах по столице, и я знала, что в кармане сумочки лежит пакетик с оранжевой пылью, чтоб сделать скучную жизнь хоть немного веселее. Амели была предсказуема – как и остальные драконицы, которые обязательно сюда прибегут.

– Бред! – В подтверждение своих слов Амели хлопнула ладонью по столу, за которым теперь работала я. Тонкий ноутбук подпрыгнул, кофе едва не выплеснулся из чашки. – Хотела бы я увидеть того, кто это придумал! Ха!

– Извольте, фрин Амели, – сказала я, с трудом отвлекаясь от мыслей о том, как Амели подтирает себе задницу, с такими-то ногтищами. – Драконий отбор с участием человеческих девушек – именно моя идея. И старый Финниган ее одобрил.

Амели посмотрела на меня так, словно заговорила грязь под каблучками ее золотых туфелек. Во взгляде раскосых карих глаз было столько презрения, что впору бы провалиться под землю и никогда оттуда не выбираться.

Человек встал у руля драконьего отбора. Стыд и срам! Как еще можно об этом думать?

– Ну конечно, – процедила она и швырнула мне в лицо приглашение на отбор. – Ничего другого я и не ожидала.

Дизайн этих больших квадратных открыток мне не нравился. Слишком много золота и завитушек, слишком плотная бумага. Но драконам по душе именно такое – отдел рекламы работал всю ночь, чтоб к завтраку главные участницы отбора из драконьих семей уже получили только что отпечатанные приглашения, пахнущие типографской краской и розовым маслом.

Конечно, о том, что на отбор приглашены и человеческие участницы, еще нигде не сообщалось. Кампанию запустят сегодня ровно в полдень. Но слухами земля полнится.

– Вообще-то Финниганы уже выбрали победительницу, – равнодушно сообщила я, с нарочитым безразличием отодвинув приглашение в сторону. – Отбор станет просто новейшим шоу. Ну, хочется иногда чего-то остренького, правда? Рейтинги, слава, деньги, самые модные тренды… Но, впрочем, не хотите – как хотите. Позвоню Эдварду и скажу, что он должен выбрать кого-то еще.

Амели едва не выпрыгнула из кресла. Куда только девались обида и гонор!

– Нет-нет, ни в коем случае! – воскликнула она, хватая приглашение. Ногти хищно клацнули по зеркальной полировке столешницы. – То есть можно уже покупать платье?

– Нет, – сказала я таким тоном, что Амели села и положила руки на колени, как воспитанная девочка, которой никогда не была. – Вы уже победили. Но если об этом узнает хоть кто-то до окончания проекта – ваша мать, отец, кто угодно, – то вы вылетаете. Сразу же. Таково распоряжение старого Финнигана.

Конечно, старик ничего подобного не говорил. Но у его сыновей свои планы. В конце концов, шоу должно быть интересным.

– Хорошо, – послушно кивнула Амели. – Ради такого можно и потерпеть этих куриц. Много их будет?

– Планируем двадцать, – сказала я. – И десять девушек из драконьих семей.

Амели презрительно фыркнула.

– Скажу Эдварду, что на отборе нашего сына не будет никаких куриц!

Вот как далеко заглядывает! Я улыбнулась.

– Это уже вам решать. А самое главное… – я сделала паузу и, пристально посмотрев на Амели, промолвила: – Одной можно подпалить перышки.

Над головой Амели закружились искры. Если все, что она делала с момента нашей встречи, было игрой и попыткой набить себе цену, то теперь Амели действительно заволновалась.

Сжечь живого человека – запретная и желанная забава. Сжечь человека в прямом эфире, с полученным на это разрешением, – я не представляла, что для дракона может быть слаще. Конечно, они иногда сжигают людей. Бездомных, например, – тех, кого точно никто не будет искать. Но чтоб вот так расправиться с конкуренткой, которая тебе и не конкурентка вовсе… Теперь в глазах Амели было лишь предвкушение и наслаждение.

– Замечательно, – улыбнулась она.

Я окинула ее пристальным взглядом и сказала:

– Советую прямо сейчас отправиться к врачу на гименопластику. После начала проекта вам уже не представится такой возможности.

Участницы отбора должны быть девственницами – такова древняя традиция, и никто не собирался ее нарушать. Но невинность Амели давным-давно стала чем-то из области фантастики – стоит хотя бы заглянуть в ее закрытый для посторонних профиль в одном из фотоприложений, где полным-полно снимков в компании обнаженных чернокожих красавцев с такой мужской статью, что даже страшно становится. Это замуж Амели собиралась только за дракона, а для банального секса вполне сойдут и люди.

Амели понимающе кивнула.

– Да, я уже записалась. Будут проверять?

Тут уж я не смогла не улыбнуться.

– Разумеется. Сразу же, как только начнется обустройство на проекте. Согласитесь, неприятно будет вылететь в первый же день.

Амели печально качнула головой и встала. Поправила платье, прикрывая сверкание камешков на стрингах.

– Тогда всего доброго, – сказала она и чуть ли не смущенно добавила: – Извините.

– Ничего страшного, – милостиво махнула я рукой, и Амели ушла. Каблучки процокали к лифту.

Я провела ладонями по лицу, и в этот миг ожил мой ноутбук: включилось приложение для переписки, и в окошке всплыло: «Эдвард Финниган: Фрин Инга, зайдите в переговорную».

Ага, значит, Эдвард уже здесь. Утром Макс написал, что брат на месяц отошел от дел, чтоб полностью посвятить себя отбору. Должно быть, старый Финниган распорядился.

О нашем вчерашнем полете Макс никак не упомянул, в короткой переписке был вежлив чуть ли не до сухости. Я понимала, что задела его, и он, внешне приняв мои извинения, по факту так и не принял их. Ладно. Разберемся.

Перед тем как идти в переговорную к Эдварду, я заглянула в уборную, примыкавшую к моему кабинету. Заперев дверь, некоторое время смотрела на себя в зеркало – да уж, таким видом только кошек пугать в подворотнях. Бледная до синевы, короткие рыжие волосы взлохмачены, темно-карие глаза запали – я сейчас была похожа на привидение.

Провела дрожащей рукой под краном, и в фаянс раковины ударила тугая струя ледяной воды. В кармане брюк лежал крошечный пузырек. Я достала его, осторожно открутила крышечку и вытряхнула на ладонь серебряный шарик пилюли.

На мгновение мир утратил запахи, звуки и цвета. Так всегда бывает, когда глотаешь хортасин, мое проклятие и благословение, которое позволяет вести почти нормальную жизнь. Я оперлась о раковину, постояла несколько минут, приходя в себя. Глотнула ледяной воды. Вот и все, можно жить дальше. Можно быть собой, не думая о том, что за порогом подстерегает безумие и все, что находится рядом, начинает рассыпаться серым пеплом.

Можно даже не бояться высоты.

Переговорная вполне предсказуемо размещалась на верхнем этаже. Чего еще ждать от драконов? Они забираются повыше и в обществе, и в зданиях. А когда-то устраивали гнезда на вершинах гор и камнем бросались оттуда на головы несчастных путников.

После хортасина жизнь казалась прекрасной. Что может быть лучше, чем чувствовать себя здоровой? Я прошла в переговорную, не дожидаясь приглашения, села в одно из кресел за огромным овальным столом и сказала:

– Девица Бланк едва не выцарапала мне глаза.

Эдвард стоял возле окна. Сегодня он забыл про дресс-код: на нем была белоснежная футболка без рисунков и логотипов и модные узкие джинсы, порванные на коленях. Я отвела взгляд: стоит посмотреть на этого дракона, и в голову лезут совершенно неприличные мысли. Например, о том, как бы снять эту майку и дотронуться до его груди, провести по плечам – осторожно, самыми кончиками пальцев.

– Это было великолепно, – с серьезным видом оценил Эдвард.

Он, похоже, прекрасно понимал, как действует на окружающих, и искренне наслаждался этим. Из динамиков аудиосистемы неслась соната Альтини – фортепиано звучало словно бойкий ручеек, прыгающий по камням, и обстановка в переговорной была далека от официальной. Почти свидание.

– Подсматривали? – с легкой укоризной спросила я.

По красиво очерченным губам Эдварда скользнула улыбка.

– Я думал, она разорвет вас, когда вы заговорили о гименопластике.

Он был прав: в тот момент я в прямом смысле слова играла с огнем.
С заносчивой и обидчивой Амели действительно сталось бы испепелить меня. Какая-то человеческая женщина, «быдло внизу», не имеет права говорить ей подобные вещи. Даже намекать.

– Я просто делаю свою работу, – ответила я. – В шоу будет интрига, но не в вопросе девственности участниц.

Эдвард понимающе кивнул. Это было отголоском старой традиции, когда право первых ночей всегда принадлежало только драконам. Правда, со временем они решили, что от этого права больше мороки, чем удовольствия и практического толка, но на отборе традиции необходимо было чтить.

– Впрочем, это не то, о чем я хотел поговорить. – Теперь в голосе Эдварда звучали такие нотки, что хотелось вытянуться во фрунт и внимать, слепо глядя в никуда.

Дракон подошел ко мне и, встав за креслом, неожиданно опустил тяжелую горячую руку на мое плечо. Я хотела этого прикосновения. Хотела, чтобы Эдвард дотронулся до меня. Но сейчас мне стало жутко чуть ли не до колик. Прикосновение оказалось жутким. Давящим. В нем было лишь тяжелое гудение стены огня.

– Я хотел поговорить о вашем вчерашнем полете с Максом, – продолжал Эдвард. – Вы производите впечатление очень умной женщины, фрин Инга. Скажу честно: я в хорошем смысле поражен вами. Оставайтесь такой же умной. Останетесь?

Что я могла ответить?

Я кивнула.

– Дело в том, что мой брат во многом не такой, как все драконы, – продолжал Эдвард. Поддев ногой одно из кресел, он подкатил его поближе и сел рядом. На мгновение запах его одеколона стал резким, словно кто-то перевел до упора невидимый рычажок насыщенности. – Макс очень добрый и во многом наивный. Настолько, что верит: все изначально хорошие. Вы представляете такое в драконьей семье?

– Смутно, – призналась я.

Сейчас следовало говорить спокойно и уверенно. В конце концов, моей вины ни в чем не было.

– И я смутно, – вздохнул Эдвард. – Но вот таков наш Макс. И если вы, фрин Инга, вдруг надумаете разбить ему сердце, то я разобью вам голову. Выброшу из окна.

Это было сказано настолько серьезно, что не оставляло простора для толкований. Эдвард не шутил, он просто говорил о том, что будет. Подведет меня к открытому панорамному окну и толкнет вниз.

– Если я скажу, что не собираюсь крутить роман с вашим братом, то вы мне не поверите, – устало вздохнула я.

Эдвард усмехнулся. Над его головой снова вспыхнули искры, и я удивилась: нервничает? С чего бы сейчас?

– Разумеется, – ответил он. – Я видел, как вы вчера летали. Это всегда производит впечатление.

– Верно, – откликнулась я. – Меня тоже впечатлило. Но я боюсь высоты.

Эдвард пристально посмотрел на меня, словно хотел понять, действительно ли я дура или просто прикидываюсь.

– И я не имею привычки смешивать работу с личной жизнью, – напористо продолжала я. Сейчас надо было как можно уверенней гнуть свою линию, не давая Эдварду опомниться и вставить хоть слово. Тем более у меня в самом деле не было никаких видов на Макса. Он хороший и даже в моем вкусе, но я всегда прекрасно понимала, где именно мое место. Должно быть, поэтому и жива до сих пор. – Ваш брат – замечательный мужчина. Но любое общение с ним никогда не выйдет за определенные рамки. Это только работа, которую я хочу успешно завершить. Не больше. Можете не сомневаться.

Некоторое время Эдвард молчал, словно прикидывая, могу ли я нагло врать ему в лицо. Музыка затихла, и в переговорной воцарилась хмурая давящая атмосфера. Так бывает перед грозой: мир застывает и неподвижно ждет, когда разразится буря.

Но на этот раз гроза прошла стороной. Эдвард провел под носом кончиком пальца, стирая выступившие капли пота, и произнес:

– Он вернулся вчера сам не свой. Ничего, конечно, не сказал, но я вижу, когда он взволнован.

– Только работа, – твердо сказала я. – Между нами может быть только работа.

На столе лежала стопка рекламок, запаянная в прозрачный тонкий пластик: мужчина обнимал девицу в свадебном платье на фоне синего вечернего неба и «Финниган тауэр». Я мотнула головой в сторону стопки и добавила:

– Это все, что мне сейчас интересно. – Не хватало еще, чтоб младший Финниган запал на меня, но этого я, конечно, не сказала вслух. – Можете быть спокойны. Я умею переводить любовь в дружбу, а дружбу – в приятельство.

– Я узнал о вас все, – признался Эдвард, – но вы все-таки меня поразили. Разумеется, в хорошем смысле. Как ни крути, вы человеческая женщина, к которой проявил внимание дракон. Не устоять.

Это верно, не устоять, но только если бы на месте Макса оказался бы его старший брат.

– На работе у меня нет ни мужчин, ни драконов, – призналась я. – Только работа.

Эдвард вновь оценивающе посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло странное выражение.

– Что ж, – произнес он и ослепительно улыбнулся. – Так будет интереснее.

Милли приехала ровно в одиннадцать утра. Если Амели добиралась к нам в дерзко-алом кабриолете с открытым верхом, то Милли привез самый заурядный седан с шашечками такси. Похоже, девушка не водила сама. Я мельком видела ее, когда договаривалась с Дварксоном, и тогда Милли мне понравилась. Пожалуй, она была бы прекрасным вариантом для Макса: тихая, спокойная, всем сердцем стремится любить и быть любимой. Если Амели привлекали модные шмотки, блестящие цацки и красавцы с большим мужским достоинством, то Милли интересовалась в первую очередь книгами и крупными выставочными залами. Я знала, что она учится на искусствоведа в Первом гуманитарном университете, и прекрасно понимала, что Эдвард никогда не сделает счастливой эту девушку в стильном деловом костюмчике и круглых очках.

Про гименопластику тем более не стоило упоминать – Милли была невинна. Флер этой нетронутости окружал ее, словно облако дорогих духов.

– Добрый день, – улыбнулась она, протягивая мне маленькую руку. Ногтищ, которые так холила и лелеяла Амели, тут в помине не было: скромный маникюр, который не мешает держать кисть и палитру. – Меня зовут Милли Дварксон,

я приехала познакомиться.

– Добрый день, фрин Милли. – Сейчас, глядя на Милли, мне хотелось улыбаться совершенно искренне, а не потому, что это положено делать, когда общаешься с дочерью одного из самых влиятельных людей в стране. – Я Инга Шуман, организатор проекта.

Вопреки ожиданиям, рукопожатие Милли оказалось крепким. Девушка знала себе цену – именно себе, а не отцовским деньгам. Это мне тоже нравилось. Люблю тех, кто не склонен плыть по течению жизни, даже если от этого – одни удовольствия и выгоды. Человек на то и человек, чтоб всегда идти своей дорогой.

– Я вас видела, вы к нам приезжали, – сказала она. – Очень приятно познакомиться, фрин Инга, – и тут же без всякого перехода спросила: – Будет страшно?

В тумбе моего стола, как и во всех рабочих столах, был маленький бар. Пусть пока всего одиннадцать утра, его уже можно открыть. Я вынула две крошечные бутылки севрского красного и протянула одну Милли. Девушка и бровью не повела, молча открутила крышечку и сказала:

– Вижу, что будет.

– Не хочу вас обманывать, – вздохнула я. Запах вина мазнул по ноздрям, это был запах воспоминаний. – Десять дракониц, которые ненавидят вас, человеческих девушек, просто потому, что вы будете с ними в одном помещении. И все – и люди, и драконы – готовы рвать друг друга. Потому что на кону – законный брак с Эдвардом Финниганом.

Милли покосилась куда-то в сторону тем самым взглядом, который появляется тогда, когда люди хотят узнать, есть ли в помещении прослушка.

– Помогите мне покинуть проект, фрин Инга, – негромко попросила Милли. – Я не хочу замуж за Финнигана.

Я опешила. Все девушки испокон веков мечтают выйти замуж за принца – так вот он, самый настоящий принц. Красив, умен, богат. Ну, хам и бабник, конечно, так кто из нас без греха? Сегодня в полдень по всем телеканалам и во всех социальных сетях объявят о проекте, а в пять минут первого возле телестудии уже будет толпа девиц, рвущихся в невесты дракона.

А Милли не хочет.

– У вас уже есть жених? Возлюбленный? – уточнила я, осушив свою бутылочку.

Пожалуй, за такие вещи надо пить не чокаясь. Папаша Дварксон открутит лихую башку этому парню и глазом не моргнет. Милли отрицательно мотнула головой. Заправила под рукав браслет с шармом-совой.

– Нет, конечно. Я просто не хочу, – и добавила шепотом, словно говорила невероятно кощунственную вещь: – Он мне не нравится.

Я вспомнила, как ткань белой футболки нежно охватывала сильное смуглое тело Эдварда, и едва не сказала, что Милли дура. Как такой мужчина может не нравиться?

Хотя у девушек вроде Милли – свои интересы и планы на жизнь. И мужчина, который будет вполне предсказуемо относиться к навязанной жене, вряд ли в них входит. Это не Макс – уж он-то стал бы вести себя иначе. И Милли получила бы любовь, заботу и нежность, о которых всегда мечтала. И ее семейная жизнь была бы счастливой.

Но все получается так, как получается. К тому же как там классик говорил – у каждого свой вкус, не угодить на всякий нрав.

– Это ведь династический брак, по большому счету, – сказала я. – Вы ведь понимаете, фрин Милли, что отец так или иначе выдал бы вас замуж так, как нужно именно ему, а не вам. И пусть это будет молодой и красивый Эдвард Финниган, чем какой-нибудь старый и страшный денежный мешок.

Мы невольно улыбнулись, представив этот самый денежный мешок на коротеньких ножках, и тотчас же снова стали серьезными.

– Понимаю, – кивнула Милли. – Но я не овца, которую ведут на убой. И никогда этой овцой не стану, отцу тоже следует это понимать. Говорят, на шоу собираются кого-то сжигать в прямом эфире?

Разумеется, я не стала в этом признаваться.

– Есть такие слухи, – кивнула я, – но они останутся слухами. Никто из драконицц не захочет отправиться с проекта прямиком в тюрьму. Законы все знают.

И спасибо президенту Сальцхоффу, который их ввел и отстоял, изменив наш мир. Теперь можно жить спокойно, не опасаясь, что тебя испепелят просто ради забавы. Драконы, конечно, недовольны, но люди год от года становятся сильнее, и все это понимают.

– Вам ведь нужно шоу? – не сдавалась Милли. – Вот пусть и будет шоу. Пусть одна из драконицц меня сожжет – можно ведь смонтировать, чтоб все выглядело именно как сожжение.

Так, Милли, кажется, я поняла, что именно ты задумала.

– Решили сбежать от папы? – спросила я, задумчиво водя ручкой по зеленому листку для записей. Вскоре среди каракулей уже были мой номер телефона и слова: «Позвоните в восемь вечера». Милли едва заметно прикрыла глаза: прочла, поняла, запомнила.

Умница-девочка. У такого папаши – и такая умница.

– Нет, конечно, – ответила она и снова прикрыла глаза. «Да», – поняла я. – Просто хочу, чтоб он увидел, что со мной так нельзя.

– Так вы ничего ему не докажете.

Интересно, о чем думает Эдвард, слушая нашу беседу? Может, хочет лично спалить эту девчонку и разом избавиться от всех проблем? А может, он вообще не слушает, и тогда я напрасно рву листок, убедившись, что Милли все запомнила. – Только дискредитируете свою семью вместе с Финниганами. Этого вам никогда не простят. И я уверена, что отец заберет вас из университета и

посадит под замок.

Милли побледнела. Учеба была ее слабым местом, и она прекрасно понимала, что отец запретит учиться, если дочь вздумает оказывать сопротивление. Жены драконов никогда не выходили дальше ворот замков. Пусть традиция давно забыта, ее можно и возродить.

– Я вам сочувствую, фрин Милли, – призналась я. – Искренне, по-женски, сочувствую. Я понимаю, что чувствуешь, когда тобой манипулируют. Но, сопротивляясь, вы можете потерять все, чего с таким трудом достигли. Так что я вам также искренне советую: смиритесь. И в этой ситуации есть свои плюсы.

Правильные вещи говорить очень легко.

– Например? – Милли шмыгнула носом. Я ободряюще улыбнулась.

– Например, лучший мужчина страны в вашей постели.

Видит бог, я бы очень хотела оказаться на ее месте хотя бы на одну ночь. Но, конечно, об этом я говорить не стала.

Я немного ошиблась в расчетах.

Первые претендентки прибежали на кастинг ровно в двенадцать часов две минуты. Причесанные и накрашенные на скорую руку, они выглядели так, что Эдвард должен был спасаться бегством. Одного взгляда на них хватало, чтоб понять: такие пойдут по головам и добьются своего.

На кастинг Эдвард не явился. Наверняка сидел в кабинете, закинув ноги на стол, лениво перелистывал какой-то журнал и смотрел на огромный монитор, периодически отпуская ядовитые комментарии по поводу желающих выйти за него замуж. Уверена, что ему сейчас хотелось совсем другого: отдельный кабинет в дорогом клубе, игристое вино по десять тысяч за бутылку и податливая девица с умелыми руками.

Не знаю, почему мне так думалось. Я не видела Эдварда. Мы с Максом и двумя людьми, входящими в состав жюри, сидели в студии, смотрели, как девочки в форменных золотых костюмчиках записывают желающих принять участие в кастинге, и было ясно, что уйдем мы отсюда за полночь.

– Надо будет заказать обед, – заметил Макс. Одна из девушек принесла ему планшет со списком первых участниц, и Макс удивленно вскинул брови. Похоже, такой наплыв девушек был для него сюрпризом.

– Еще и ужин придется заказывать, – вздохнула я. – Будем лопать спагетти с осьминогами и задавать вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/petrovicheva_larisa/drakon-vybiraet-nevestu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити